

Подготовка первичных данных в социологическом исследовании: систематизация проблем и некоторые пути их решения

Во вводной статье, опираясь на тезис о том, что проблемы, связанные со способами получения исходных¹ данных, в последние годы выходят на первое место в разработке методологии социологического исследования, поставлены следующие задачи:

- 1) выдвинуть и обсудить некоторые априорные положения относительно *социологических данных и методов*, которые бы исключили непродуктивное антагонистическое противопоставление т.н. «качественного» и «количественного» подходов к формированию первичных данных и принципам проведения исследования в целом;
- 2) дать примерную систематизацию проблем, затронутых в статьях сборника.

Несмотря на то, что по сравнению с первой задачей вторая представляется скорее технической, в силу организационных моментов именно она оказалась более трудной для выполнения.

Априорные предположения об исходных данных

Социолог, желающий в своей работе опереться на то, что происходит в некоей реальности, вынужден тем или иным методом получить некоторые *данные*, характеризующие эту реальность². Методов получения, а соответственно и видов данных, имеется множество. Выбор метода определяется целями и задачами исследования и мировоззрением ученого. Степень формализации данных (жесткости способа их получения) может быть различной: от высокой, которой обладает, например, совокупность ответов на закрытый вопрос анкеты, до низкой, которая свойственна результатам неформализованного интервью или записям результатов наблюдения.

¹ Естественно, здесь встает вопрос: исходных для чего? Ответ: для анализа данных, необходимого для решения стоящей перед исследователем задачи. Без какого бы то ни было анализа данных никакая задача (даже представляющаяся чисто описательной), как правило, решена быть не может.

² Мы сознательно не сводим содержание данного сборника к области эмпирической социологии, полагая, что т.н. эмпирическая социология не может быть оторвана от теоретической и наоборот. См., например: Судьбы и перспективы эмпирической социологии: круглый стол // Социс. 2005. № 10. С. 16–18.

Для нас все виды данных являются равноправными в том смысле, что при их получении и использовании возникают примерно одинаковые проблемы. Решаются они, конечно, по-разному, но в целом составляют единое проблемное поле. С этой точки зрения простое удвоение терминологии видится, например, за предложением при использовании этнографических методов заменить «привычный для позитивистской традиции термин “данные”» на термин «эмпирические материалы», поскольку им присущи «фрагментарность и разнообразие» (с. 74).

Во-первых, здесь, на наш взгляд, не совсем ясно, что понимается под «позитивизмом», поскольку течений этого философского направления имеется множество, и еще менее очевидно, что понимается под «позитивистской традицией».

Во-вторых, те же фрагментарность и разнообразие «эмпирических материалов» мы встречаем, скажем, при комплексном использовании довольно формализованных, далеких от этнографических, методов опросов. Например, вместе с данными анкетного опроса 500 респондентов могут анализироваться и данные опроса 50 экспертов методом парных сравнений, а результаты структурного анализа выборки из 5 (или 5000) текстов из интернета могут дополняться анализами сколь угодно «мягкими» методами. Такого рода исследования встречаются, и история методологической разработки «смешанных подходов» и «дизайнов» насчитывает уже не один десяток лет³.

Итак, существует много видов данных, полученных с помощью методов разной степени «жесткости». И абсолютно **все** эти данные обладают (хотя и в разной степени) различными дефектами, являющимися следствием способа их получения⁴:

- данные никогда не эквивалентны эмпирической системе в том смысле, что в сознании человека практически всегда можно найти нечто такое (имеющее отношение к решаемой социологической задаче), что использованный метод получения данных не позволил «вытащить»; это справедливо даже для данных, полученных самыми мягкими (например, этнографическими) методами;
- данные всегда не достаточно формализованы для того, чтобы для их изучения можно было применять многие весьма эффективные способы анализа данных; это справедливо даже для данных, полученных самыми жесткими методами (например, с помощью закрытых анкетных вопросов).

³ См., напр.: Creswell J.W. Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 2003; Tashakkori A., Teddlie C. Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.

⁴ Отсюда и задача любого исследования — максимально повысить адекватность собираемых данных.

Отсюда и вечная необходимость совершенствовать методы сбора социологической информации. Добавим еще, что любые данные (как их ни назови) при внимательном рассмотрении в каком-то смысле непременно предстанут фрагментарными. Так, в гипотетико-дедуктивном исследовании *систематичность* собираемым по сконструированной процедуре данным придает умозрительный образ модели *фрагмента* (!) реальности; эта связность модели, собственно, и подвергается эмпирической проверке. При «наивном» хождении радикального «антипозитивиста» в поле «с пустой головой», т. е. без предварительных содержательных понятий, моделей и теорий («предрассудков», вмещающих реальности некоторую целостность), полезность фрагментарных материалов обусловлена якобы бы техническим и бессодержательным базовым допущением о том, что все эти фрагменты являются осколками целостного мира. Ведь именно доопытное допущение о целостности наблюдаемого мира является условием интерпретируемости фрагментарных данных, или материалов — например, дневниковых записей, аудио, фото, киноматериалов, документальные свидетельства⁵ — в рамках одного исследовательского проекта.

Таким образом, полюса не / адекватности, не / формализованности, фрагментарности / целостности данных присутствуют в ситуациях и количественного, и качественного подходов, но только в разных конфигурациях. Конфигуративных различий едва ли достаточно для удвоения терминологического ряда: *данные vs. материалы* и др.

Априорные предположения о методах анализа данных

Сейчас мы рассмотрим вопрос, почему, говоря о сборе данных, нельзя не говорить и об их анализе, то есть, почему эти два процесса органически связаны друг с другом⁶.

Будем полагать, что, в соответствии с общепринятыми представлениями, основными задачами любой науки являются описание, объяснение, предсказание, а ее цель — поиск общих закономерностей. Правда, некоторые авторы полагают, что задача истинного социолога — не поиск общих закономерностей, а изучение смыслов, вкладываемых отдельными акторами в совершение ими социальных действий; и именно такую задачу якобы ставил М. Вебер. С подобной интерпретацией М. Вебера вряд ли можно согласиться, хотя бы потому, что в своих работах, например, в «Протестантской этике», он в понимании субъективных смыслов

⁵ Романов П.В. Процедуры, стратегии, подходы «социальной этнографии» // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 141.

⁶ Этот тезис часто встречается у адептов нематематической парадигмы: Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks: Sage, 2006; Страусс А., Корбин Дж. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники* / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

массово совершаемых индивидами социальных действий не стеснялся обращаться к препарированию статистических данных. Конечно, индивидуальные смыслы надо изучать, но далее необходимо выделять нечто общее в смыслах, используемых разными людьми, изучать связи между смыслами, действующими в сознании разных людей, анализировать конкретные ситуации, приводящие человека к приданию конкретного смысла тому или иному действию. Все-таки Вебера интересовали не столько субъективные, сколько интерсубъективные смыслы.

Поэтому трудно согласиться с радикальным отказом всякому исследованию субъективных смыслов в интересе к их **устойчивости**. В противном случае «не экспериментальная наука, ищущая закон, а интерпретативная наука, нацеленная на поиск смысла» К. Гирца не могла бы претендовать на теоретизирование: «Интерпретативный подход к анализу данных, в первую очередь, ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих деятелей, на создание наблюдателем теории, отражающей собственные “теории” наблюдаемых»⁷. Какой бы смысл не вкладывался здесь в понятие «теория», речь идет об **обобщении** отдельных фактов.

Мы полагаем также, что искомые закономерности исследователь мыслит себе в рамках некоторой достаточно узкой социологической проблематики (это определяет необходимость обсуждаемого ниже соотнесения методов получения данных с содержательной социологической задачей). Имеется много серьезных методов анализа данных, позволяющих решать все три задачи, стоящие перед наукой — описывать, объяснять, предсказывать. Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых (с одной стороны), все эти методы формализованы не полностью, а потому использование каждого из них требует активного участия социолога с его мировоззрением, знанием проблемы и т.д. — с его «субъективностью». Во-вторых (с другой стороны), **все** методы опираются на формализованные до некоторой степени алгоритмы, в том числе, и алгоритмы получения исходных данных.

Первое замечание верно даже для таких, казалось бы, полностью формализованных методов, как расчет коэффициента корреляции. Однако, чтобы добиться успеха в изучении связи между переменными, мало включить компьютер, надо еще проверить условия на применимость метода. В число же таких условий входит и не поддающаяся полной формализации диагностика **статистичности** исследовательской ситуации, установление осмысленности понятия вероятности для значений рассматриваемых признаков (о сходных вещах пишут *Толстова и Зангиева*). Провести строгую проверку условия на применимость метода при со-

⁷ Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. P. 5.

временном состоянии науки невозможно; решение этого вопроса лежит в области исследовательской интуиции. А большинство методов анализа данных сопровождается человеко-машинным диалогом, в котором в принципе не может быть полной «строгости и четкости». На компьютер нельзя переложить все размышления социолога, хотя, конечно, уровень формализации методов неодинаков. Скажем, тот же коэффициент корреляции — более формализованный метод, чем *grounded theory*, о которой пишет *Буглаева*.

Второе замечание распространяется даже на самые мягкие методы. Несмотря на то, что в идеологии, например, *grounded theory*, всегда подчеркивается гибкость и рефлексивность анализа, любое практическое руководство предлагает *техники, процедуры, приемы* и т. п.; само употребление подобных слов означает некоторую степень формализации.

Проблемы получения социологических данных и способы их решения, предлагаемые в статьях сборника

Перечислим те встающие при подготовке данных проблемы, которых так или иначе затрагиваются в статьях сборника, укажем авторов статей, в которых эти проблема затрагивается; очень кратко опишем соответствующие результаты.

1. Данные должны отвечать именно той задаче, которая стоит перед исследователем; здесь важно выделить, по крайней мере, два аспекта.

1.1. Априори социолог может настолько плохо представлять себе суть стоящей перед ним содержательной проблемы (особенно если эта проблема сложна и слабо изучена), что ни о какой подготовке отвечающих теме данных не может идти речи. В таком случае на помощь может прийти систематический, целенаправленный анализ литературы (статья *Оберемко*), либо контента определенных сайтов в интернете (статья *Градосельской*), либо предварительное изучение ситуации социологическими методами (статья *Савинской*).

В статье *Градосельской* рассматривается вопрос о поиске в интернете такой информации, которая могла бы послужить началом работы над слабо развитой тематикой. В частности, речь идет об определении новых понятий, не имеющих определения в специальной литературе. Автор разрабатывает новое направление в структурном анализе текстов, предлагает ряд «поисковых алгоритмов как механизмов целевого отбора информации из широкого ежедневного информационного потока» (с. 26). Предлагаемые способы анализа текстов иллюстрируются на примере анализа информационного пространства по бизнес-конфликтам в России. Содержание ключевого для описываемого исследовательского проекта понятия бизнес-конфликта автор раскрывает с помощью классификации тех фрагментов текстовой информации, в которых оно встречается. Подход к определению понятия через **классификацию его проявлений**, по

сути, повторяется в статье *Толстовой и Ворониной*, где разбирается содержание понятия «социальная напряженность». Нам представляется подобный способ определения понятия через типологию его проявлений весьма перспективным. Определив указанным способом понятие «бизнес-конфликт», *Градосельская* использует его при дальнейшем анализе текстов как некоторое априорное положение. Формирование такого рода положений нам тоже представляется полезным методологическим принципом. И здесь снова представляется возможным провести параллель с той же статьей *Толстовой и Ворониной*, где указанный принцип выдвигается как один из основных принципов социологического измерения.

Полезной представляется статья *Оберемко*, в которой на примере нескольких кейсов описывается, какую информацию о проблеме может дать предварительное изучение литературы, какого рода результаты могут быть таким образом получены и каким образом, опираясь на них, можно строить программу дальнейшего исследования. Описываются также некоторые сложности, возникающие из-за недоступности отдельных литературных источников. Предлагаются принципы анализа найденных публикаций для составления аналитического обзора. В статье рассматривается своеобразная содержательная тема: адаптация учебных программ вузов к потребностям рынка труда. Имеются результаты, полезные для изучения именно её. Но в то же время делаются некоторые обобщения, позволяющие использовать найденные автором приемы при разработке произвольной тематики.

В отличие от других статей сборника, статья *Савинской* носит более содержательный, нежели методический характер. Однако её можно расценивать как предложение некоторого подхода к первичному описанию слабо изученной проблемы. В статье речь идет о социологической экспертизе правовых рамок для волонтерской деятельности, о выявлении того, на каких этапах её осуществления и в каких её сферах назрело и ожидается дополнительное законодательное вмешательство. А ввиду отсутствия юридического определения понятия «волонтер», автор предлагает некоторые социологические основания для разработки такого определения. Статья может служить хорошим примером того, как начинается изучение любой новой проблемы.

1.2. Адекватные данные могут быть недоступны социологу из-за сложности в организации соответствующих баз данных. Встает вопрос о подходах к перестраиванию структур этих баз (*Балашова, Ростегаева*).

В статье *Балашовой* ставится задача изучить зависимость ценностных ориентаций (ЦО) детей от ЦО их родителей, причем ЦО отцов и матерей по отдельности. Сказано, что в силу сложившихся алгоритмов исходная информация о членах одной семьи фиксируется в разных документах (анкетах) и анализируется отдельно. В статье предлагается прием такого переструктурирования исходной информации, который позволяет транс-

ляцию ценностей между поколениями проследить на уровне отдельной семьи и получить более точные содержательные результаты. Ясно, что соединив мнение детей с мнением родителей, мы имеем возможность для решения широкого круга интересных социологических задач. Очевидно, что предложенный в статье алгоритм может использоваться не только для изучения трансляции ценностных ориентаций и не только в рамках семьи.

Весьма полезной для социолога представляется статья *Ростегаевой*, в которой предлагается использовать информацию, содержащуюся в банке данных Института социологии РАН для проведения вторичного и сравнительного анализа. В статье описывается история создания банка, приводятся примеры его успешного использования, рассматриваются условия получения любым пользователем банковских данных. Можно согласиться с автором статьи в том отношении, что использование данных банка может способствовать углублению решения широкого круга современных социологических проблем.

2. Желание социолога адекватно отразить мнения людей (например, в процессе решения главной (по Веберу) задачей социологии — изучения смыслов, вкладываемых человеком в осуществляемое им социальное действие) часто приводит к получению весьма неструктурированных данных. Видов таких данных существует много. Способы их получения, как правило, требуют совершенствования (и потому, что любой способ даже в момент его создания не позволяет учесть все, что хочется исследователю, и потому, что социология движется вперед, ее задачи охватывают все более широкий круг проблем, решение которых требует совершенствования методов, расширения их круга). Это давно понимают социологи. В сборнике рассматриваются способы улучшения методов неструктурированного наблюдения (*Истомина*) и фокус-групп (*Полухина*).

В статье *Истоминой* речь идет о неструктурированном интервью, об определенных шагах в направлении формализации процесса сбора данных этим способом (можно говорить об операционализации этого процесса). Многие положения иллюстрируются примером наблюдения за функционированием добровольческой организации. Цели наблюдения — установление степени её открытости и описания её внутренней организационной структуры. Упомянутая выше формализация состоит в соблюдении определенных правил проведения наблюдения: следования инструкции, отслеживания выделенных компонент функционирования организации, фиксации заданных аспектов проводимых организацией мероприятий, ведении определенным образом организованного протокола (который аналогичен транскрипту качественного интервью).

Как и в описанной выше статье *Градосельской*, в статье *Истоминой* формулируется априорное положение, на которое опирается весь процесс наблюдения: определение основного для исследования понятия, за-

имствованного из литературы — понятия открытости (или прозрачности) организации.

Подчеркнем то внимание, которое автор уделяет отличию правил ведения упомянутого протокола от транскрипта интервью: если транскрипт содержит, как правило, лишь первичные данные, то в протоколе наблюдения обычно предусматривается упоминание двух уровней данных: факты, т.е. непосредственно наблюдаемое, и интерпретация фактов.

Несмотря на внесения элементов формализации в процесс наблюдения, его результаты, конечно, остаются в значительной мере субъективными: исследователь в значительной мере сам определяет, что и как фиксировать. И субъективность остается, несмотря на то, что он руководствуется тем, что наблюдаемые факты и события должны быть связаны с решением основных задач исследования, с которыми он знакомится перед тем, как приступить к работе (как пишет автор, наблюдатель должен быть «проникнут генеральной идеей исследования»).

Та же субъективность проявляется и при интерпретации наблюдений. Вызывает недоумение утверждение автора статьи о том, что любой социолог, прочитавший описание в протоколе наблюдаемого факта, должен дать ему ту же интерпретацию, что и автор протокола, а сверка интерпретации с зафиксированными данными должна утвердить читателя протокола в обоснованности выводов и достаточности полевых данных. В частности, автор пишет о том, что в представленном примере интерпретация не выходит за рамки данных наблюдения, а данные наблюдения достаточны для того, чтобы интерпретировать их подобным образом. Автор интерпретирует описанный факт (отсутствие рубашки на руководителе, находящемся в кругу девушек-сотрудниц) как то, что нормы внешнего вида в организации либеральны. Но ведь возможна и иная интерпретация: погода жаркая, руководитель — хам, а девушки скромны и стесняются сделать ему замечания.

Здесь представляется уместным сказать, что интерпретация любых полученных от человека данных — дело очень субъективное из-за известных сложностей процесса коммуникации между исследователем и респондентами, из-за невозможности для человека вербальным образом адекватно выразить свои мысли («мысль изреченная есть ложь»). В частности, в статье *Полухиной* при описании этнографического подхода отмечается, что «главная идея заключается в предположении, что полученные материалы неотделимы от исследователя и всегда связаны с ним» (с. 75). В статье речь идет о модификации метода фокус-групп на основе этнографического подхода. Здесь предлагается не внесение элементов формализации в процесс сбора данных, как в статье *Истоминой*, а, напротив, уменьшение количества формальных требований, выполняемых обычно при проведении традиционных фокус-групп. Автор утверждает, что «смягчение» подхода делает метод более адекватным многим социо-

логическим задачам. В основном автор описывает известные принципы использования в маркетинге этнографических приемов.

Автор касается идеи Гирца о «толстом» и «тонком» описании социальных действий. И здесь мы хотим провести аналогию между этими идеями и пониманием измерения в статье *Толстой и Ворониной*, При измерении сложного понятия вряд ли целесообразно сводить этот процесс к поиску «списка» его проявлений (об использовании классификации для такого поиска мы говорили и при обсуждении статьи *Градосельской*). Эти проявления — элементы «тонкого» описания. А предлагаемое в статье *Толстой и Ворониной* «погружение» понятия в жизненный контекст, в каузальную систему, определяемую гипотезами социолога, — это, по сути, переход к «толстому» описанию.

И еще одна аналогия. Высказанное в статье *Толстой и Ворониной* требование включать изучаемую эмпирическую систему (это одно из основных понятий теории измерений) в контекст исследования перекликается со сформулированным в статье *Полухиной* требованием «контекстуальности» этнографических данных, говорящим о том, что описание объекта исследования должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуациях, на каком социальном фоне происходило взаимодействие «исследователь – индивид».

3. Методы анализа данных чаще всего носят довольно формальный характер. Поэтому данные, предназначенные для анализа, должны быть в достаточной степени формализованы. Однако это отнюдь не всегда имеет место для информации, интересующей социолога, очень часто имеющего дело с неструктурированными данными, и поэтому должны приветствоваться даже небольшие шаги в сторону их формализации. В статьях настоящего сборника о внесении элементов формализации в метод неструктурированного наблюдения пишет *Истомина*, *Буглаева* пишет о том же, но применительно к транскриптам интервью.

4. В силу сложностей формализации данных, собираемых социологом, встает вопрос о разработке не совсем формальных способов анализа данных, таких, которые хотя бы в какой-то мере могут помочь решать задачи описания, объяснения, предсказания. В сборнике рассматривается только один подход такого рода — построение т.н. grounded theory.

В статье *Буглаевой* рассматривается то, как в анализ текстов вносятся элементы формализма с помощью определенных приемов кодирования, выявления и описания понятий, скрытых в тексте. Описывается ground theory как способ анализа результатов кодирования с целью более адекватного анализа понятий и, в частности, выявления связей между ними. Отметим, что с нашей точки зрения, в процессе формирования «обоснованных теорий» на этапах построения концептов и установления связей между ними используются примерно те же логические рассуждения, что

и при использовании многих методов традиционного анализа данных, например, того же коэффициента корреляции⁸.

Общим для всех видов исследований мы считаем и то, что любые данные не является свободной от предубеждений исследователя.

5. Одна из сложных задач, стоящих перед социологом, желающим использовать классические методы анализа данных — это формирование признаков, образующих то признаковое пространство, точками которых задаются изучаемые объекты (напомним, что большинство алгоритмов многомерного анализа данных рассчитаны именно на такую исходную информацию). Здесь, в свою очередь, можно выделить две затрагиваемые в сборнике проблемы.

5.1. Проблема пропусков в данных. Исходные данные могут быть получены не только при сборе информации, но и при её анализе. В данном случае мы говорим о преобразовании значений исходных признаков, без которых не может обойтись ни один исследователь: о заполнении пропусков в данных. Пропусков в социологических данных бывает много, и выбрасывание всех документов с пропусками означает остаться без данных. В науке разработаны некоторые подходы «борьбы» с этим злом, и этим проблемам посвящена статья *Толстовой и Зангиевой*. Не будем повторять её содержания, отметим лишь, что рассматриваемые методы опираются на одно из самых трудно проверяемых априорных положений социолога: *о статистическом характере исходных данных, о вероятностной модели их порождения*.

5.2. Переход к трактовке признака как *набора различных качеств*, каждое из которых отвечает одному значению признака, как удобного механического соединения отдельных его значений, использующихся при анализе данных как самостоятельные сущности (ранее такая интерпретация признака была названа нами номинальной, в отличие от реальной интерпретации, используемой в случае рассмотрения признака как единого целого⁹); в таких случаях ищут сочетания значений разных признаков (взаимодействий), которые детерминируют интересующее социолога явление. Такой подход использует в сборнике *Даудрих*, которая решает

⁸ Соответствующие иллюстрации можно найти в работах А.А. Чупрова, который в начале XX века анализировал содержательные рассуждения, используемые земскими статистиками при анализе связи между признаками, и убеждал их в том, что они «изобретают велосипед», что подобные рассуждения были уже использованы генетиками Гальтоном и Пирсоном (Пирсон был в основном математиком) и увенчались изобретением коэффициента корреляции. См.: Чупров А.А. Основные понятия и основные задачи теории корреляции / пер. с нем. // Чупров А.А. Вопросы статистики: Избранные статьи. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 300–307.

⁹ Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. М.: Научный мир, 2000. Во избежание недоразумений заметим, что здесь номинальность признака понимается в контексте противопоставления номинальных и реальных понятий.

задачу выявления факторов, детерминирующих уровень доверия респондентов к социологическим опросам. Информация собрана с помощью стандартной анкеты. Для анализа причин, определяющих доверие респондента, используются алгоритмы поиска взаимодействий. Применяя ряд методов такого рода, включенных в т.н. data mining, автор доказывает, что упомянутое доверие определяется, прежде всего, отношением респондента к действующей власти (и строит индекс для измерения этого отношения) и, в небольшой мере, — некоторыми его социально-демографическими характеристиками.

6. При рассмотрении проблем формирования исходных данных естественно возникает вопрос о том, как все это связано с понятием измерения. Ведь измерение — это отображение (моделирование) изучаемых объектов в какие-то более или менее формальные конструкции (не обязательно числовые; в качестве результатов измерения могут выступать и числа, и графы, и тексты, и протоколы наблюдений). Независимо от того, в какую конструкцию мы отобразили, скажем, человека (в набор его ответов на анкетные вопросы, в текст или в протокол наблюдения), важно обеспечить адекватность этого отображения, умело интерпретировать его результаты, грамотно проанализировать их. Однако работа по анализу и улучшению качества построения измерительных моделей, осуществляются для разных моделей разными людьми, выступающими под разными «знаменами»: условно говоря, одни думают, как сделать, чтобы репрезентирующий респондента текст как можно лучше отражал его мнение, другие — как лучше «выстроить» респондентов в рамках порядковой шкалы. И исследователи, представляющие одно направление, как правило, никак не связывают свою работу с тем, что делается в рамках другого. Такая ситуация — не на благо науке. Встает вопрос о выработке неких общих принципов социологического измерения. Пока этим никто не занимается. Небольшой шаг в этом направлении сделали *Толстова и Воронина*.

Выше уже было показано, что предложенные в названной статье подходы к пониманию измерения в определенном смысле совпадают с предложениями из статьи *Градосельской*, и с требованиями, предъявляемыми к текстам, отражающим те смыслы, которые респонденты вкладывают в свои действия (статья *Полухиной*). О других положениях статьи *Толстовой и Ворониной* мы здесь говорить не будем. Читайте!

Ю.Н. Толстова
О.А. Оберемко